

«МЫ С ТОБОЙ», ИЛИ ТО, ЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ...

Начало было прекрасным, как взмах крыла Божественного провидения, приведшего прекрасного незнакомца на порог ее дома. Вот как в мельчайших деталях описывает Валерия эти события спустя сорок лет.

«Итак, наступил канун праздника Воздвижения 13/26 сентября 1923 года. Я заглянула домой после работы, чтобы тотчас идти ко всенощной.

— Вот удачно забежала! — говорит мама. — Сейчас приходил к нам удивительный юноша. Он ищет, по его словам, «старцев», чтоб узнать подлинную церковь. Какими-то путями он попал к Зубакину, а когда уходил, его перехватила в передней Иза и сказала: «Не ходите больше к Борису, пойдите лучше на Б. Никитскую, 43-а, в подвале отыщите девушку Валерию, она знает, кто вам нужен, лучше Бориса». Я сказала ему, что найти тебя легче всего в храме. Он придет туда ко всенощной сегодня. Ты подойди к нему сама: он будет стоять впереди направо — мы так с ним условились.

— Но как же я его узнаю?

— Его не узнать невозможно. Он очень высокий, вьющиеся каштановые волосы шапкой, лицо измученное — то ли усталый, то ли голодный, прекрасное лицо! Очень сумрачный, а то вдруг прорвется детская доверчивость в разговоре. Удивительные глаза — у меня сердце упало, когда я их увидела... как на иконе Владимирской Божией Матери.

— Как у Младенца?

— Нет... как у Богоматери... Его зовут Олег Поль.

.....
«И имя совсем как у меня — с претензией, тяжелое для жизни имя», — подумала я» (гл. 6).

Господь, наделяя человека свободной волей, дал ему еще и разум, и память — все то, что позволяет анализировать прошлое, осмысливать происходящее и планировать будущее. Если бы это было все, то с учетом пораженной грехом человеческой природы, каждый неизбежно приходил бы к бессмертному «не верь, не бойся, не проси» как к железной формуле жизни. При этом вся наша жизнь неизбежно превратилась бы в ад еще до Страшного Суда, однако этого не происходит, поскольку нам еще промыслительно дарована Любовь. Любовь к «другому» как желание быть рядом, расцветать в этой близости, бескорыстно заботиться — о ребенке, о родителе, просто о ближнем...

Убогое рации не знает, что с этой любовью делать в своем формализованном мире, поскольку это чувство нарушает законы сохранения, балансы интересов и скрупулезные аналитические прогнозы. Близкие к нашему телу доктора шутят, что любовь — есть спонтанное болезненное состояние, вызывающее ничем не оправданное предпочтение одной особи перед всеми другими, такими же. При этом они вам подробно расскажут про симптомы — и про выброс дофамина в кровь, и про выключение зон головного мозга, отвечающих за торможение, но, сколько

бы ни было слов и научных открытий, все равно мы знаем, а вернее — чувствуем — это Тайна. Тайна, которая не может быть непротиворечиво описана словами, которая никогда не будет до конца раскрыта, и слава Богу...

Валерия пришла в храм и ... *«Я сразу узнала тебя. Ты стоял всю долгую всенощную передо мной, не крестясь и не кланяясь, как человек, не знающий службы и впервые участвующий в непонятном действии. Это и было так: ты с младенчества не знал храма».*

Дальше было как обычно, как тысячу раз описано в романах и повестях, тем не менее глубокой бороздой навсегда фиксировано в памяти каждого, кому посчастливилось это пережить. Такая, в сущности, малость — медленное возвращение домой под звездами, не замечая капель дождя и луж, сбивчивый рассказ о сокровенном, взаимный интерес и таинство принятия чужой души, с которой возможно случиться та самая близость, о которой бессознательно мечтаешь всю жизнь. Это как возвращение к самому началу, когда еще не было тревоги, а была безграничная любовь, в которой ты купался, в которой чувствовал себя всемогущим, способным на любой подвиг, доступный воображению. В эти минуты мы еще не знаем, что в конце жизни эти мгновения перевесят многие дни страданий, тревог и вселят ощущение — все было не зря, не напрасно, и все неповторимо. Тогда зачем тебе бессмертие в этой земной жизни?

Спустя сорок лет Валерия Дмитриевна в мельчайших подробностях воспроизводит диалоги той их первой встречи, когда они зашли в дом, где ее мать гостеприимно поила их чаем:

— *А все-таки, — сказал ты между прочим, — Зубакин, конечно, неясная фигура, но он мне предсказал нечто: давайте запомним и проверим.*

— *Что же? — заинтересовались мы.*

— *Он рассматривал мою руку, потом сосредоточенно молчал, закрыл глаза и сказал: «Вы умрете в 30 лет». На всякий случай я буду торопиться.*

— *С чем торопиться?*

— *Я начал писать систему философии для всех понятную, то, к чему мы пришли. Мы — это русская философия. Надо сказать для всех выразительно и просто, чтоб не затерялось в сумятице переустройства мира. А у меня туберкулез, пока, правда, неопасный — железзы. (Ты показал свои набухшие на шее опухоли, как ты их называл — «шишки»). Но надо преодолеть болезнь, пока я не кончу задуманной работы.*

.....
— *А вы напишете книгу «Символ веры» — о тайнах веры на современном языке, чтобы всем было понятно. Я раньше сам о ней думал, а теперь, когда встретил вас, это будет ваше дело.*

— *Значит, будет у нас издательство? — спросила я.*

— *Будет! — убежденно ответил ты.*

.....
Тем временем подходила весна. Однажды ты пришел ко мне и сказал, что хочешь ехать на Кавказ, лечить свои «шишки». Тебе дают туда письма к знакомым людям, где можно остановиться и дешево прожить. Но я-то знала: у тебя была другая, более важная цель. Ты недавно прочел книгу Свенцицкого «Граждане неба» о кавказских пустынноиках, и как же тебе было их не поискать: неужели они существуют впрямь, в наше время, на нашей земле? Неужели это правда? И если существуют, то какой может быть разговор? надо с ними остаться!

— *А книги? — спросила я. — Без них тебе не написать «Острова».*

— *За книгами буду приезжать раз в год, — ответил ты. — К тому же пока это только поиски. Что-то я найду на самом деле!*

Ты уехал. Я помню и дивлюсь теперь: и мысли о том, что ты меня оставляешь и я теряю тебя, ни единой мысли такой у меня не мелькнуло. Неужели я еще совсем не знала, кем мы стали друг для друга? И вот, со всей строгостью, снова, как это было уже много, много раз, я сама себе отвечаю: тогда у меня действительно не было и мысли о себе, о возможности личных отношений с тобой, я была воистину в отношении тебя бескорыстна.

.....

Ты уехал. Я не тосковала по тебе. Больше! Даже мысль моя редко была занята тобою. Но ты был тот, о котором Михаил Михайлович Пришвин запишет однажды в своем дневнике: «Живу я с ней хорошо, и она со мной счастлива, и я не нарадуюсь. Но скажу и признаюсь: зажег ее жизнь другой человек, чью рубашку я недостойн носить»».

Дальнейшая судьба Валерии Лиорко и Олега Поля — яркое подтверждение Его «первородного» замысла о нас, о том, что «первый раз» никогда не повторится. Это чувство они пронесут через всю жизнь, несмотря на отчаянную попытку двух запутавшихся сердец преодолеть придуманную самими пропасть между личным и общественным. Разобраться в этом непросто, как и во многих нюансах социальной жизни вековой давности, поэтому я дам слово самой Валерии:

«...Мать твоя, музыкантша, и отчим, живописец, были по взглядам толстовцами с добавлением всех умственных течений начала века, всех, кроме церковного православия. Они были последовательны: твои сестры, родившиеся после тебя, но еще до революции, не были крещены. Мать разошлась с отцом в твоём раннем детстве из-за того же толстовского «гнушения» брачной жизнью. Вернее говоря, она не любила его, потому что это не помешало ей выйти вторично замуж и родить еще троих дочерей. Но проповедь против брака она не оставляла. Семья жила

в строгом вегетарианстве, и ты не прикоснулся до самой смерти ни к рыбе, ни к мясу.

Среда, а главное, горячо любимая мать, не могли не влиять на твоё формирование. Твоё целомудрие было уязвлено, как и мое, не одним только непосредственным наблюдением жизни, но и внушениями авторитетов: у тебя — Толстой, у меня еще и Вл. Соловьев. Оба они низводили тело с его «естественной» жизнью в категорию низменного, в то время как по учению древней Церкви оно освящено благодатью Христовой со всеми его силами и свойствами. Интересно, что наши учителя начала века исходили из диаметрально противоположного отношения к матерям, к плоти: Толстой её развенчивал безнадежно и безвозвратно, как скверну; Соловьев, видя её идеальную красоту, принимал плоть только в небесном совершенстве.

Нам обоим было дано обонять зловоние греха с детских лет, и мы боялись его, гнушаясь самих органов, которые могут стать его орудием. Оба мы по-разному стали жертвами этого заблуждения. С какой трезвой простотой написано об этом в 41-м правиле св. Апостолов: «Аще кто девствует или воздерживается, удаляясь от брака, яко гнушается им, а не ради самых доброты и святости девства: да будет под клятвой. Аще кто удаляется от брака и мяса, и вина не ради подвига воздержания, но по причине гнушения, забыв, что все добро зело, и что Бог создал человека, мужа и жену сотворил их. И таким образом клеветает на соиздание — или да исправится, или да будет... отвержен от Церкви». Но до этого понимания еще надо было дожить, и я забегаю далеко вперед».

Все услышанное и увиденное, прочувствованное и пережитое моими героями за их короткую жизнь сплелось в такой запутанный клубок страхов и надежд, что разорвать его вместе с традицией обычной супружеской жизни показалось им лучшим выходом. Они начали грезить совместной аскетической жизнью, чтобы, отдавая всего себя общественному служению, все-таки быть рядом.

По воспоминаниям современников, совместная аскетическая жизнь была в те годы нередким явлением, правда, достаточно короткий период истории. Общественное служение также понималось по-разному: кто-то метал бомбы в градоначальников, а кто-то занимался народным просвещением. Сравните с сегодняшними героями, сосредоточенными на самих себе, озабоченными проблемами смены пола, с пеной у рта отстаивающими право на публичную демонстрацию извращенных удовольствий.

Проводив с легким сердцем Олега на Кавказ, Валерия снова окунулась в повседневные заботы, прежде всего о больной матери, о том, где жить и что есть. Тогда же с ней приключится история – первая, но не последняя в той неизбежной разрушительной цепочке, последовавшей вслед за описанным расколом сознания двух молодых людей. Учась в Академии духовной культуры, она сблизилась с Николаем Николаевичем Вознесенским и Александром Васильевичем Лебедевым. Н.Н. Вознесенский был известным ученым-химиком, человеком намного старше Валерии, годившимся ей в отцы (хотя по сегодняшним меркам ему было не так уж много – 46 лет). Он всячески опекал Валерию, лечил ее мать и, в конце концов, сделал предложение.

Валерия оказалась на распутье: Олег уехал, не оставив надежд на совместную судьбу, надо учиться, получать профессию, а на руках больная мать, поэтому приходится разрываться на двух работах. К Николаю Николаевичу она относилась как к отцу, между ними не было романтических отношений, тем не менее она дала согласие, уповая на длительный переходный период. Его предложил сам Николай Николаевич, поставив первым этапом переезд в его благоустроенную квартиру и совместное хозяйство, оставляя за Валерией право самой определить время венчания.

Однако процесс сближения с Олегом уже запу-

стился, зажженная лучина взаимного чувства уже разгоралась внутри. Она начала прорываться наружу скорыми планами поездки в отпуск на Кавказ, в Сочи на отдых, поближе к любимому человеку.

Возможно, на отдыхе в Сочи у Николая Николаевича и был шанс переломить отношения, но, судя по дневникам Валерии, он им не воспользовался. Похоже, он просто взвешивал: на одной чаше звание известного ученого, заграничные командировки, десятки мировых патентов на способы крашения тканей и на их расцветки, слава и почет при всех режимах, а на другой – просто любовь какой-то девчонки и без того, и без этого... Когда мы так рационально, уподобляясь средневековому схоласту, взвешиваем все за и против, то получается, что любовь – это просто «раз». И все. А на той чаше – и раз, и два, и три... Скорее всего, мы просто не любим, вернее любим, прежде всего, самого себя, и это, конечно «раз».

В результате вместо безумного поступка, отчаянной попытки, решительного выставления на кон собственного Я мы занимаемся мелкими уколами, накоплением обид, взаимным покусыванием. Мы хотим просто тактически переиграть, занять доминирующую позицию в отношениях, сделать Ее покорной, но не подпустить близко. Чтобы не ужалила. Почему она может ужалить, мы уже не помним и не осознаем, но страх остается всегда. Возможно, он рождается с нами...

Валерия пишет Олегу отчаянные письма, каждое утро под разными предлогами бежит на почту, она готова бежать в горы на любую жизнь и навсегда. К сожалению, Олег в это лето ни разу не наведился в Сочи за письмами до востребования, он бродил по горам, осваивая свое новое место жительства. Они разминулись чуть-чуть...

Однако зимой 1925/26 г. Олег приехал опять в Москву и пришел на всенощную в храм под Николин день. Той зимой Валерия и Олег в основном

общались письмами, встречаясь почти всегда на людях. Валерия Дмитриевна все же надеялась на обычное, простое человеческое счастье, но у Олега было тяготение к монашеской жизни. Из письма Олега к Валерии:

«2 февраля 1926 г. Сретенье Господне. Ляле... Между прочим ты сказала: «Самое дерзкое произведение, которое я задумала, это наша любовь... Я верю, что еще здесь, на земле, возможен рай – рай плоти». И мне хочется ответить тебе, что я понимаю тебя, твой замысел, и сочувствую ему, но не знаю, нужно ли чаять осуществление его на земле, потому что это было бы уж слишком большим чудом. Может быть, довольно молить Господа, чтобы осуществить до конца твой замысел (ибо «обитель», как я мыслю ее ныне, не есть еще осуществление до конца) в жизни будущего века, для чего надо прежде всего стяжать сокровище на небесах... Образ совершенной любви, который ты видишь, принадлежит к числу небесных самоцветных камушков. Это не мешает мне, зная человеческую природу вообще, относиться к ним осторожно».

На этом месте я, пожалуй, прерву свой безуслов-но тенденциозный пересказ мемуаров Валерии Дмитриевны, поскольку все дальнейшее случившееся с ней и Олегом будет уже просто трагической развязкой. При этом я вовсе не утверждаю, что у них был другой, лучший выбор, только отмечу, что с этого момента божественная энергия взаимной любви уже их не защищала, внутренний компас на развилках указывал уже иные направления и каждый из них понес свой крест на свою Голгофу. И воскресли они для нас тоже рядом, но не вместе...

ГРУСТНЫЕ ВЕШКИ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВЕЧНОСТИ

Уехав в 1924 году на Кавказ, Олег Поль успел сделать все, что запланировал, исходя из своей мисти-

ческой уверенности в краткости собственной жизни. Он дописал свой «Остров Достоверности» и принял монашеский постриг с именем Онисим. Стал работать над другими философскими проблемами, написал труд «О хозяйстве человека», в январе 1929 года принял сан иеромонаха (Ленинград, архиепископ Димитрий (Любимов)) и активно включился в церковную жизнь. Основным ее содержанием в те годы было противодействие богоборческой советской власти и спасение монашества путем организации закрытых приходов. Будучи благочинным в Майкопской епархии владыки Варлаама, о. Онисим разносил по приходам прокламации с призывами не подчиняться властям, о чем сам, без страха и упрека, показал на допросах в ОГПУ.

Осенью 1929 года решительные люди в кожаных тужурках в несколько дней сожгли все скиты монахов-отшельников от Абхазии до Новороссийска, в тюрьму которого и были собраны все их обитатели. Всего около трехсот человек, проходивших по делу «Черноморского филиала церковно-монархической организации Истинно Православная Церковь», отпавшей от Московской Патриархии в период «сергианского раскола».

Как рассказывал мне Полянский старожил Геннадий Иванович Кук, монахи знали о надвигающихся репрессиях:

— Один худенький монашек иногда приходил к нам на двор и говорил, глядя жалобно на мою бабу: « Скоро нас всех заберут...»

Из обвинительного заключения тройки ОГПУ: «... руководитель ячейки бродячих монахов... заявил, что, хотя его предки были немцами, поляками и евреями, считает себя чисто русским... согласен с епископом Варлаамом, что безбожная советская власть не может быть признана, поскольку сатанинская... состоял в руководящей головке организации...»

Такова монашеская судьба – подобно первохри-

стианским мученикам всегда быть готовыми отдать эту земную жизнь за жизнь вечную для всех. Да и как еще переубедить человечество, что не все исповедуют око за око, а зуб за зуб? Люди мало верят словам, больше поступкам, так что хочешь в чем-то убедить — покажи собственным примером.

Арестованы были все обитатели и этого скита: отец Даниил, отец Онисим и Боря Корди, привязавшийся к Олегу и приехавший сюда из трудовой колонии, где когда-то работал Олег.

Пожилого о. Даниила расстреляют сразу без колебаний, а с Олегом будут возиться почти год, переведя его в тюрьму Ростова и пытаясь переманить столь «ценного и образованного кадра» на свою сторону. Мне довелось детально познакомиться с фотокопиями материалов дела из архива — протоколы допросов следователь ОГПУ вел добросовестно и подробно. Он прочитал часть изъятых рукописей, в том числе «О хозяйстве человека», посвященную экономическим вопросам. Можно себе представить, как он убеждал Олега: что вот сейчас, когда все материальные богатства находятся в руках трудящихся, мы стоим на пороге реального воплощения мечты Генри Джорджа о национализации земельной ренты. Поскольку в своей работе Олег, по-видимому, опирался на эту чрезвычайно популярную в дореволюционные годы в России и в мире работу, то и место его, по мнению следователя, должно быть на стороне советской власти. Трудно сегодня предположить, о чем думал Олег в те роковые дни, ведь у нас нет его текстов...

Судьба Олега Поля, его мученическая смерть почти сто лет были погребены пластами забвения, горами страха и свалками цитатников языческих божков. Однако ветер истории постепенно развеивает всю эту шелуху, и перед нами предстает этот подвижник, который своей судьбой, своим выбором (что гораздо важнее любых философских текстов)

обозначил ту историческую развилку, которую мы сто лет назад прошли как-то не так...

Я дважды перечитал «Невидимый град», а некоторые фрагменты чаще, в попытке вжиться во внешне чужой, но в чем-то родной внутренний мир. Время отодвигает от меня тексты, фразы и события этой непростой женской судьбы, оставляя в сердце образ чего-то близкого и родного. Боже мой! Да ведь она сформировала их обоих для нас. Это рядом с ней они блистали отточенностью мыслей и фраз, это ее глаза делали для них объемным этот мир, это она сделала все возможное, чтобы сохранить их наследие.

Вот одна из жемчужин православного миропонимания: «Бог любит не всех одинаково, но каждого больше». Фраза как-то сказанная Валерией Олегу «по вдохновению», возвращенная ей в его письмах с Кавказа уже как своя, фраза восхитившая через 20 лет М.М. Пришвина и неоднократно использованная в его философских записках. Фраза, падающая в душу и оказывающая свое благотворное действие на все наше существо, мимо ума и рассудка. В ней мы все вместе и каждый в отдельности — как лица Святой Троицы. Эта фраза противоречит «ratio», перед ней бессильна логика и даже диалектика, она разрушает привычные смыслы слов, приближая нас к «logos» — языку любви, исходящему из сердца, на котором говорит Творец.

С этой фразой у меня свои отношения. Прочитанная где-то в период глубокого погружения в литературные тексты начала XX века, она запала в душу и растворилась в сознании. Через некоторое время я начал приписывать ее монахам-пустынникам, поскольку именно они за свои всевозможные вериги вправе были рассчитывать на Божественное откровение. Я даже вынес эту фразу в заголовок настенного фотоколлажа в зале РГО, рассказывающего о путешествии В.П.Свенцицкого «к пустынникам Кавказских гор» (книга «Граждане неба», 1915 г.).

И только подготавливая эти записки к публикации и дотошно сверяя цитаты с источниками, я обнаружил ее в книге «Невидимый град» В.Д. Пришвиной (также сетовавшей на мужскую привычку присваивать женские фразы-мысли, даже не замечая этого).

Особенно меня удивили результаты поиска источника фразы через Яндекс. Во-первых, авторство приписывалось многим или считалось «народным», а во-вторых, часть фразы зачастую меняли, причем первым это сделал М.М. Пришвин, заменивший «Бог любит не всех одинаково...» на «Бог любит всех...». Народное творчество перебирает все возможные варианты: и «Бог любит всех по-разному...», и «Бог любит всех одинаково...», однако «каждого больше» не искажено нигде...

Олег Поль мечтал написать великую книгу, а остался навсегда в нашей памяти благодаря воспоминаниям Валерии Дмитриевны о его судьбе-подвиге. Цитаты из дневников Михаила Пришвина яркими звездочками украсили ее тексты, открывая нам неизвестного Пришвина-философа. Она станет ангелом-хранителем М.М. Пришвина, не даст пропасть его неизвестному наследию, содержащемуся в многолетних дневниковых записях. Она будет помогать ему, прятать ночами в саду непромокаемые брезентовые мешки с дневниковыми рукописями, где «...за каждую сточку – 10 лет расстрела». После смерти Михаила Михайловича в 1954 году она станет директором дома-музея его имени в Дунино (Звенигород, под Москвой) и начнет готовить дневниковые рукописи-тетрадки к изданию. Интересно, что осенью 2016 года, когда я пишу этот текст, вышел в свет последний, 18-й том «Дневников» М.М. Пришвина, заботливо подготовленный Л.А. Рязановой – литературным секретарем Валерии Дмитриевны, а позже директором дома-музея (филиала Государственного литературного музея), а также и Я.З. и В.Ю. Гришными.

Валерия Дмитриевна своей судьбой словно открыла еще один краешек Божьего замысла о нас: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт. 2:22-24). Только вместе, только «мы с тобой», поскольку Она сама не сможет осмыслить, вербализировать, чтобы сохранить и передать. Так же как и Он сам не сможет спуститься столь глубоко к тайне бытия. Видимо, Господь и задумал нас такими разными, получающими свое истинное воплощение только в паре, где каждый раскрывает свои лучшие индивидуальные качества. ■

(Продолжение следует)